

польскому народу русское революционное движение. Тенденция к отмежеванию от прогрессивных кругов России была сильна и в среде польской интеллигенции XIX—XX веков. Несмотря на критику, которой эта тенденция подвергалась со стороны самых передовых политических сил, она не могла быть преодолена. Поэтому в истории польской литературы мы находим меньше прямых ссылок на русскую литературу и следов ее непосредственного влияния. Но это отнюдь не говорит о том, что такого влияния не существовало. Русская литература была довольно широко распространена в Польше благодаря своему подлинному демократизму. По сути, русская литература даже оказала на польскую определенное влияние, проявившееся различно, в различные этапы русско-польских отношений. Напомним вкратце о связях Мицкевича с Пушкиным, Рылеевым и Бестужевым (выявленное и П. Хмеловским, в его монографии о Адаме Мицкевиче¹), о том, что Б. Прус общался с Чеховым и Короленко², что Элиза Ожешко была хорошо знакома с творчеством Тургенева, Гончарова, Л. Толстого, Салтыкова-Щедрина³, а Г. Сенкевич в статьях и письмах восторженно отзывался о Пушкине и Толстом⁴. Передовая русская литература была знакома польской писательской общественности⁵, но размер и действенность влияния как такового не раскрыты и не изучены еще в полной мере. Совершенно несомненно сильное влияние русской литературы на литературу украинскую и белорусскую.

Известно, что важнейшая черта русской литературы XIX века — это ее активный, боевой характер, объясняющийся и тем, что эта литература особенно живо откликалась на политические, философские, моральные проблемы эпохи: более того, в определенном смысле она даже представляла собой главную арену борьбы различных идейных направлений. Исследователи многократно и совершенно справедливо подчеркивали такую черту русской литературы как пафос активного вторжения в жизнь, обеспечивший ей передовое место среди европейских литератур. Безусловно именно в этом смысле следует понимать и известное высказывание В. И. Ленина из его работы «Что делать?», где кормчий революции показывает, что для более глубокого и конкретного понимания вопроса о том, почему «роль передового борца может выполнить лишь партия, руководимая передовой теорией», необходимо, чтобы читатель вспомнил «о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов», подумал «о том всемирном значении, которое приобретает теперь русская литература...»⁶.

¹ Второе издание, Варшава, 1898, т. 1, стр. 289 и след.

² А. ЯЦИМИРСКИЙ, *Новейшая польская литература*, С. Петербург, 1910, т. I, стр. 224.

³ ЭЛИЗА ОЖЕШКО, *Сочинения в пяти томах*, Москва, 1953, стр. 11.

⁴ Н. SIENKIEWICZ, *Pisma zapomniane i niewydane*, Lwów, 1922, стр. 422 и сл.

⁵ См. и: М. JAKĄBIEC, *Literatura rosyjska wśród Polaków, w okresie pozytywizmu*, в «*Pozytywizm*», Wrocław, 1950, т. I, стр. 295 и след.

⁶ В. И. ЛЕНИН, *Полное собрание сочинений*, изд. V-ое, Москва, 1959, т. 6, стр. 25.